

А.В. Манин-Уралец

**Казачий Дон.
Эпическая
поэма. Часть 1**

А.В. Манин-Уралец

**Казачий Дон. Эпическая
поэма. Часть 1**

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Казачий Дон. Эпическая поэма. Часть 1 / А. Манин-Уралец —
«Автор», 2026

Поэма «Казачий Дон» - это крупное эпическое произведение, посвященное истории возникновения и развития казачества в России от начала времен до наших дней. Основной акцент сделан на историю казачества Верхнего Дона.

А.В. Манин-Уралец

Казачий Дон. Эпическая поэма. Часть 1

Часть 1.

I

Грачи через Дон прилетели. И ветки
Вчерне изменили деревьев покров.
Вдоль яра казак и казачка - в отместку
Обманутым чувствам - пытаются любовь.

Оборочек юбки касается ветер,
Шуршат недалеко уже камыши,
Годятся в поджежку от прошлого лета –
Любовь даст тепла и утехи души.

А с летом погожим проснутся урюмы,
Терновники местом любви прорастут,
И скроют влюбленных от взоров угрюмых
Обрывов вдоль яра. Все сбудется тут.

Отсюда любовь перекинется выше,
В донские сады, что, как снег, отцветут,
И где будут схожи мясистые вишни
С губами любви. И все сбудется тут.

Горит костерок, стелет Дон покрывала
Над берегом, близко примкнувшим к холмам.
И, платье оправив, казачка привсталала:
Настала пора разойтись по домам.

Ему же вставать неохота, казак он -
Есть силы любить и стоять в стремянах.
На волнах, весь в пене, качается бакен,
Готовый хоть вечность качаться в волнах.

Донская история, музыка клятвы,
И вечные стоны обманной любви.
Грачи встрепенулись, и черные кляксы
Деревья пролили до самой земли.

Все вновь повторится, но первыми были
Казак и казачка, что крались любить.
Сбылось все давно, ведь уже полюбили,
А что им теперь - Дон покажет, как быть...

Зачем нам история этой измены?
Зачем нам история этой любви?

Текут донских рек их иссиние вены,
Подонье, как всякое «донье» - в крови.

В крови и надежде, что старое – сгинет,
А что не любимое – то отойдет,
И небо над Доном останется синим,
Как видел вначале казачий народ.

II
От истока Дона, с Иван-озера
Путь бежит воды, сливаясь в Дон.
Казака и било, и занозило,
Но преодолел преграды он.

Путь его лежал к Земле Воронежской,
Там России выдвигной редут.
Что, в засеках тульских не схоронишься?
Что ж, тебя как брата примут тут!

Будешь ты до самой белгородской
Засечной таинственной черты
Нести свою службу. Любят броских
Северо-донские казаки.

Сразу видно: род твой любит вольницу,
Проливал и кровь из синих вен:
Под Азовом и на Волге – в розницу,
И еще - у Перекопских стен;

И по всей Азова акватории.
Доблестный народ – казацкий род
И в Придонье жил, и в Приазовии,
Укреплял Руси един народ.

Броский – значит джигитовкой правленный,
Так, как правят шашки казаки,
И с душою - в стон, но не отравленной,
В берегах целительной реки.

Броский – может, «бродский, загорелистый»,
Может, и «аланский он русак»;
Всех, кто жил в любви Придонья, прелести
Он в себя вобрал, лихой казак.

III
За Доном лес, за Доном близко,
Как мел, манит загадкой мар –
Курган сарматский, а, может, скифский,
А на душе у нас пожар.

В твоих глазах, в щеках смуглявых,
Я вижу плен далеких вех,
Когда казак в мешок дырявый,
Взял полонянку для утех;

Привез в курень - ясак не лишний.
И здесь варилась кулага,
И мать с лапшой мешала вишни
И наливала молока.

И подошел к той полонянке
Родной отец, сказал в усы:
Ну, что ж, продолжи род, Иванка,
Такой не видел я красы.

А мать в сердцах оборки юбки
Приподняла и в дом ушла.
А та степнячка, взором юрким
Все здесь в хозяйстве поняла.

Ты не успел и оглянуться:
Густая мошка с морд быков
Успела в ветошь окунуться.
А сон ушел, и был таков.

И твою пленницу в тревоге
На ночь укрыли на базу;
И таз спросила помыть ноги.
А ни в одном нет сна глазу!

А утром гарнушка курилась,
И камни печи во дворе
От кизяков пораскалились,
И хлеб здесь пекся детворе.

Теперь у нас свои детишки,
Чуть-чуть смуглы они у нас.
Склевали куры все излишки,
Ну, а петух косит свой глаз.

Он тоже смотрит на Задонье,
Там опускается закат.
И под луной, в степи бездонной
Спешит с добычею сармат.

Он был в степях далеких русских,
И кто-то выл в его мешке.
В его глазах, от жажды узких,
Стояла сеча вдалеке.

Теперь за Доном стоят юрты,
Черкесский край, казацкий край,
И кто-то, в ком славянство стерто,
К губам свой приложил курай.

Играет он на этой дудке,
А Дон течет в извилах лент.
В твоих глазах, как в незабудках –
Грустинка в даль ушедших лет.

Но не мешает та грустинка.
И курайсы играет пусть,
Ведь наша жизнь, как та тростинка,
Которой вызывают грусть...

IV

Всюду вижу край казацкий,
Где течет мой славный Дон,
Не живут здесь, словно, в сказке:
Не былин не помнит он.

Что свершилось – то явилось
Не туманом в головах.
И любовь нам не приснилась:
Хоть и вся душа во швах...

Обмолочена солома,
В сенник сложена гуртом.
Мы с тобою в счастье снова,
И ловлю я губы ртом.

Завтра всполох нас разбудит,
И я плеть возьму, стегну:
На прощанье не забудешь
Несвершенную вину;

Так положено в казачьей
Стороне - учить вперед.
Но не станем слишком мрачно
Провожать меня в поход.

Плеть в сторонке, мы в объятьях.
Ну, а если пропаду,
Кто-то из казацких братьев
Заберет тебя, жену.

Так ведется в нашей жизни.
Только всполох – мы в строю:
Постоим мы за отчизну.

А пока - я здесь стою.

Прижимайся, кольцом нежным
Мое тело обвивай,
На прощанье будь прилежней.
Будь прилежною!.. Прощай!

У

Уходил казак села защитником,
Всех станиц, казачьих куреней,
Оставляя дома семью житников,
Верный клятве: жизни не жалеи!

Ну, а в прошлом, что ушло туманами,
Жил казацкий этнос, креп и рос, -
Вольным скифством, вольными аланами,
И в себя побег сарматский внес.

Половцы, хазары с печенегами,
Кто был влиться в этот этнос рад,
Также взрос в народе том побегами,
В Русский позже влился каганат.

И татары с торками, черкесские,
И киргиз-кайсацких гор, степей,
И что ближе к Индии, - узбекские,
Те, что послал с севера Борей...

Пояса казачьего величие -
От донских земель сквозь млечность стран.
Тихий Дон включал в себя отличия
И тянулся в Тихий океан.

От того есть признак Приазовия
На Яике, где шумит Арал.
На «Узле воронежском» - в Подонии
Этнос свой, казачий, возрастал.

На городских и на станичных –
Полковых, сторожевых делил
Казачьих привольных пограничных
Царь донской. Воронеж восходил!

Верховой столичный стан казачий –
Крепость – град Воронеж – возвещал:
От реки Воронеж обозначен
Путь на юг, где Тихий дон «дичал».

В «Дикие великие просторы»
Воевода Баркин направлял

Казаков. И подчинялось море
Тем, кто в Приазовье прибывал.

И вскипал песок Причерноморский,
И скакал казак по дюнам кос:
В Турции, в Крыму столкнуться жестко
С силою казачьей довелось.

Всюду был казак почетной силой,
И врага разил как Божий пест.
Но врага презренного, скосив, он,
Тигром сына вражьего не съест.

Так в скрижалях писано казачьих:
Бей врага, но сына не презри,
Ну, а коли взял он меч и в драку -
Будь он мил, - с достоинством умри!

VI
Вдалеке зовет домой чакан,
Слабо отражая лучи солнца.
А в руке натянутый аркан,
Рядом враг, и надо побороться.

Кто кого, держись татарин мой,
Выпутаешь свою злую душу -
Попадешь и ты к себе домой,
Ну, а нет, так вытрушу и - в кушу.

Ляжешь ты в татарник, распоров
Щеки, что оскалом искривились,
Ну, а я, на Дон – и будь здоров! -
В моей хате двери отворились.

Смотрит из окошка на чакан,
Что растет вдоль заводей степняцких,
Та, что будто ловит на аркан,
И зовет меня в курень казацкий,

И стоит там в крыночке ирьян –
Утолить мою казачью жажду,
И в любви я стану с нею пьян,
Ну, а ты, умри, батыр отважный.

А жалмерке, хочешь, передам,
Той, что поселилась за курганом,
Что ты был батыр не по годам,
Ну, а я – сильнее великана.

И, возможно, были мы одной

Пленены за тем большим курганом,
Но молчи, и не пойду с женой
Я на суд людской, на суд майданный.

Впрочем, не пойдет моя жена
С жалобой к лихому атаману,
Пусть эта останется вина
Между нами, как пред ней предстану.

Ну, давай, лети в колючий ров
Вражеская сила в петле крепкой!
Ну, а ты, мой конь, неси, где кров,
И где жар любви любимой цепкий,

Где растет вдоль заводей чакан,
Им я подлатаю нашу крышу,
И где Дон втекает в океан,
И где мой народ свободно дышит!

VII

На корнях веков стоял Воронеж,
Лукоморья дуб стоял и здесь,
В песнях восставал, когда лишь тронешь
Душу, что хранил и дол, и лес.

И река Воронежская тихо,
Материнским нежным молоком
В Тихий дон вливалась. Петр лихо
Превращал Подонье в край морской.

Шли Подонья храбрые питомцы -
При Петре - в пределы южных шлях,
Стали, кто был дома, - однодворцы;
Ширился Воронеж в слободах.

Вот и стал до самой белгородской
Засечной таинственной черты
Нести свою службу. Любят броских
Северо-донские казаки.

Сразу видно: род твой любит вольницу,
Проливал и кровь из синих вен:
Под Азовом и на Волге – в розницу,
И еще - у Перекопских стен;

И по всей Азова акватории.
Доблестный народ – казацкий род
И в Придонье жил, и в Приазовии,
Укреплял Руси един народ.

Те, кто однодворцем стал в Воронеже,
С Войском Дона связей не терял,
И не зря поход Степана Разина
Град Воронеж вольный поддержал.

Мир монастырей святых прославленных
Воздвигал воронежский анклав.
«Укрепи донское православие!» -
Бронзой возвещал церковный сплав.

В русский мир воронежец с победами
Вез свой хлеб, сукно и пороха...
Кто опять прибыл, теперь доведывай,
В чем твоя варится здесь «юха»?

Так здесь спросят, кто решил с казаками
Жизнь сплести, донским джигитом стать.
Многого зазря не наталакают:
Прежде надо норов обуздать.

Нежеребь, - гляди, вон: не объехали.
И какой конек ее еще?
Меринок стоит, и - не потеха ли? -
Пузыри надул в желваках щек!

Так и ты, приехал в стан воронежский,
Просишься в казачий стан, в семью;
Ну, а вдруг не тесан? Проворонишь ведь
Жизнь казачью, да дурну, свою?!

Ой, вы, братцы, поклянусь я клятвенно,
Дайте булаву - не подведу!
И прошу упросом: еще дайте мне
Юную невесту: пропаду!

Казаки смеются над потешистым:
Здесь суровый край – не хоровод;
Здесь, в Подонье, чуть суровой вешинских,
Но от шутки также рвет живот.

А чуть в стороне с казачьей милостью
Девушка с одной косой - все ждет:
Кто ж ее из этих пришлых, жилистых,
За себя, став казаком, возьмет?..

VIII

Не рожала черная кобылка:
Нежеребь, что скажешь, - три годка.
Рысью ходит, жарит взором пылко,
Возле удалого рысачка.

Скоро ей устроят свадьбу, скоро,
Только с кем – не им решать дано.
И глядят в людей они с укором,
Только казакам то все равно.

Конюху важна здесь дисциплина,
Жеребья нежность не к лицу:
Привезут на связку исполина.
Худо молодому жеребцу.

Но родит кобылка жеребицу,
Подрстет. До свадьбы все простишь,
Жеребец, - объездишь кобылицу.
Над станицей благодать и тишь.

Конюх собирается в дорогу,
Под подпругой подтянул супонь,
И не жеребячился он сроду.
И послушен, как в атаке, конь.

«Еще годик-два побегай девкой» -
Думает, косясь на молодежь.
Рысаку то кажется издевкой;
А кобылку всю бросает в дрожь.

И никто не плачет в той станице,
Будто не жалеют молодых;
Только видно по унылым лицам,
Словно, дали каждому под дых.

Любят казаки коней, лошадок -
И подростков, и лихих в боях:
До коней казак с рожденья падок,
Нежность в глуби сердца затая.
IX

Наговорились всласть с чужими,
Бахвалясь статью казаков.
Казак до девушек прижимист,
Не выдаст замуж без толков.

И своих парубков казачьих
Хватает. Вон, гляди, орел –
Прямо никто ничто не значит,
Хоть и готов уж под подол!..

Казак горазд пооскаляться,
Идя вдоль улицы родной,
И солнцу любит улыбаться,

Рождая тени за спиной.

Идет и щурится на девок.
Пусть без кокарды и погон:
Вот-вот он в казака, посевок,
Срядится – и сомненья вон!

Возьмет казачку, что за тыном
Сейчас не кажет глаз совсем,
И там дрожит, как та тростина,
Хотя сама еще посеv.

Осталось им всего-то годик:
Станет казачкой молодой.
В казацком праведном народе
Станет богаче их семьей.

Вон тот баран, что блеет рядом,
Валухом станет – шкура вон;
И всем казачьим тут прикладом
Начнется пир, взовьется звон.

И белолипка его выйдет
Краше березы и небес.
И бес в молении изыдет,
И не вернется больше бес.

Кто ведмичать затем возьмется,
Любовь им чаять колдовством, -
Тот верностью любви окстется,
Никто не опорочит дом.

А оскалиться зря не станет,
И великатым будет впредь:
И грубым словом не поранит
Ни одного, ведь не ведметь.

За тыном девки вскачкались:
«Ну, посмотри на нас, казак,
Ну, хоть немножко, пооскалясь!
А то не выберешь никак?!»

«Ой, вы, посеvки, Дон заплачет:
Так вы малы для казака!..»
Идет казак, и тени скачут
Не под седлом еще, пока.

Да и не опытен. Давно ли
Еще сироткой с дедом жил

И просьбой все его неволил:
Темляк отцовский покажи!..

И покажи, деданька, шашку,
Погоны тоже покажи.
И дед, слезам не дав отмашку,
Шел горе заливать во ржи...

Х
...Деданька родимый, нет тебя роднее,
Как же я люблю тебя за детство; что ты - стар,
Только я мечтаю вот: стану я взрослее,
И дадут для взрослой жизни казака товар.

Стану осемнадцатилетним, совсем взрослым стану,
И дадут мне шашку, хоть без темляка,
Но я ждать темляк, ишо погоны, не устану,
Да на лбу-околыше кокарду казака.

С мордками мы, деданька, с самоловкой скрытною,
Да пойдем теперича на раздол степной.
Что нам с молочами тут, вошкаться с корытами,
Жить хочу по-взрослому, да в келье быть с тобой.

Я прошу прощения, дерства ты не жалуешь,
Но я дерзок от того, что мал совсем ишо.
В кельи твоей с бабушкой, где меня ты балуешь,
Мимо сенец прошмыгну, и вот мне хорошо!

В пору сенокосную мы с тобой, мой деданька,
Выкосим ударом с казаками луг степной.
В поле казаку и куст стелет доброй хатенькой;
В пору казаку в степи любви познать хмельной.

В поле сгинул батька мой, его я не видывал,
Шашку передали мне, бережно храню.
Повстречал я, деданька, зорюшку с ланитами,
Розовыми, как весна, навечно полюблю!

И пойду по всполоху я в поход пластунщиком,
Буду плавать рыбой и в болотах ладить гать.
Ну, а вдруг погибну, ивою плакучею
Надо мною степь склонит чело, начнет рыдать.

Не по казаку рыдать с душой нараспашечку, -
На свет нарождается с мужеством казак, -
Но что не оставил он наследника для шашечки.
И положут шашечку во гроб, да и во мрак.

Ой, ты, моя детушка, внучек казачинушка,

Ой, давай скорей, сынок, троеперстьем крой,
В угол поклонись скорей, где наш Бог над сынушкой,
Там, где каждый из святых с казацкой бородой.

Будем славить Господа, в том не разуверимся,
И на том казак стоит и пред судным днем.
Что же нам заранее кликать изуверское,
Лучше к Дону Верхнему с мордками пойдём.

Ну, а вдруг пророчество, в голове возникшее,
Не оставит правнука, замочу рукав.
Только долго мучиться, это, к слову, - лишнее:
Нет на свете никого стойче казака!..

XI

Ну, а ты, знакомец новый, знаешь ли
В край какой зашел, на Верхний Дон?
Может шел на Средний, неприкаяшный?
Ну, давай, балакай про свой сон!

- Слышал я, как прадед мне рассказывал,
Про «Червлёный яр», про «Семь холмов» -
Рим «особых скифов» - да наказывал
Передать другим все с его слов.

Сам он жил в Воронеже опасливо,
Но Василий Баркин знал - ага, -
Что помощник-то - из Аримпасинов -
С птицей Грифь хранил он жемчуга.

На долбленом чёлне к местным бродникам
Он по Богучарке приставал,
И пересчитав их, вольных конников,
Встал на дюне «Терешковский вал».

Не входили в связок Русских княжеств
Те, антропофаги, кто кровь жрал.
Там Андрей Пресвятой Первозванный
Христианство вечное стяжал.

Была пустынь Скифии язычной.
И вдоль Дона долгие версты
Древние пещеры в пограничье
Возникали, как из пустоты.

Там свершалось чудо, как избранных,
Что могли послушать и Христа:
Вроде, в тех пещерах стены драны,
Но там святой дух, не пустота.

Есть такие в Риме, в Палестине,
В Сирии, в Афоне. И как раз
Жил в такой, как жил Христос в пустыне,
И мой прадед, съехав на Кавказ.

Он искал истоки сил казачьих,
Был в Гиперборейных островах.
Но мои слова ничто не значат,
Если пусто в ваших головах.

Слушаете тоже: то – полдела,
А то все мы, пришлые, - куга.
Если ржать без дела надоело -
Спрячь свою ухмылку казака!..

Там отца настигло откровение,
С Приазовья, с Крымских берегов:
За четыре святые столетия
В Семь соборов слали казаков.

И поднял с тех пор христово воинство
Иоанн-пресвитер! Вот те «Ну?»!
Начали в европах беспокоиться:
Мол, поход «крестовый» на Дону!

Только был поход не католический,
Православный – без меча – поход:
Иерусалим, как канонический
Вырастет средь скал – придет черед!

Рыцари христовой веры славные,
Не мечом, а словом звали в Храм.
И тянулись цепью православною
Храмы по меловистым горам.

И монастыри донски, черкасские –
Полковых черкасских казаков
Поднимались чудом. Были сказками –
Стали в явь христовых смельчаков.

Сочетать державность с самостийностью
Было не легко, но крест Христа
Всех объединил. С той дивной дивностью
Все ушли сомнения в лета.

На дощечках выводили глиняных
Свод скрижалей Верхнедонья здесь;
На Дону, на Тихой Сосне чтили их -
Где в Битюг, в Оскол пришли осесть.

Конные отряды Енисейские
От хакас влились в казачий стан,
Привезя с собой Гиперборейские
На священной глине образа.

Образа правителей египетских,
Хеттских, критских, также - что с Микен,
И этрусских – только намолитвенных:
Ассирийских глиняных взамен.

Князь варягов из-за Скандинавии
На Азове свой искал Асгард...
Но славян-аланов православие
Свой священный здесь мостило град.

С расселенья Ариев и выселок
Множились казацкие роды.
И на дву-седьмой Верены высевок
Стал Воронеж зваться. Шли сюды.

Легкое казачье войско Ариев
Возвело Озор-Озар-Озак.
Разрослась Урван-Озар-Гусария.
Верхним Доном стал владеть казак.
XII

Над доном пряди ковылей,
Как чубы непокорных, в землю вросших.
Кровавых битв следы в тиши полей;
Могилы на груди степи, как броши.

Над степью видна участь казаков:
Их участь – защищать любовь в Отчизне.
А это – жизнь донецких берегов,
И это все, о чем грустили в тризнах.

Извивист Дон. По берегу Елень,
Рога уставив в небо, гордо бродит,
И берега наполнив чувством всклень,
Дон казаков с казачками заводит.

И в чувствах перекличка всех времен:
Здесь гунны свои правили столетья,
И печенегов свой творился сон;
Здесь было все, что было в белом свете.

Лежали белых лилий острова,
Качало их воды безбрежной тело.
Лесов необозримых покрова

Здесь укрывали готов оголтелых.

Озера в одолень-траве цвели.
Все русские казаки покорили;
И слово здесь «Талах!» произнесли:
«Назад не будет хода!» - повторили!

И смертников традиция пришла:
Отвлечь врагов от куреней, и - биться.
Отлиты здесь церковью колокола;
Возрождены утраты всех традиций.

«Талах!» - гремит майдан, - цветы любовь!
И счастье казаков - да будет вечно!
И «Любо!» вторит русский вновь и вновь,
А казаки в любви той - безупречны!

XIII

На земле воронежской просторной,
На земле воронежской лихой,
Все вершилось главное в истории –
В эпохальной мгле Верхне-Донской.

Здесь свершилось главное сражение
С готами. Лихие казаки
Нанесли орде той поражение -
Кровью их залили падь реки.

И еще свершалось много ратного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.